Оставалось три дня, и напряжение нарастало. У меня был план, как захватить Бариона, но проблема была в том, что он не учитывал его помощь извне. Просто еще не было достаточно информации. Поэтому, не имея лучших вариантов, я начал принимать вурсенг (тот, который не дает заснуть), чтобы не спать последние два дня. Не из-за опасения, не нападет ли Барион ночью — на данный момент я был уверен, что до десятого дня можно успокоиться, а ради информации. Нужно было узнать, какие отношения между ним и его огромным лосем-убийцей. К сожалению, Майя никогда не видела его и даже не слышала о нем. Существовало три варианта:

Барион мог общаться с демонами и сделал это в ночь моего побега.

Или у него был какой-то способ напрямую вызывать их.

Или демон обитает в самом Эвервуде.

Поразмыслив, я решил, что наиболее вероятен третий вариант. В конце концов, в первые несколько ночей в лесу я видел демона издалека. К сожалению, у меня не было возможности восстановить свой путь, а это означало сделать то, чего я очень хотел избежать любой ценой: последовать за Барионом в лес. И конечно же, поскольку я никогда не видел, что бы он в одиночку отправлялся в лес днем, он должен был отправиться туда глубокой ночью.

На третий бессонный вечер возможность наконец представилась.

Я последовал за Барионом в лес. Он держал перед собой фонарь. Тени от ветвей деревьев и кустарников тянулись вверх, как черные щупальца. Вурсенг помогал мне бодрствовать и быть начеку, но ничто не дается даром. В обычный, средний день он работал отлично. Когда адреналин зашкаливал, а сердце колотилось в горле, я становился напряженным и нервным, шарахался от теней в темноте. А теней в темноте было много.

Переходя от дерева к дереву, я ступал мягко, стараясь идти с носка на пятку и держать колени согнутыми. Единственным плюсом того, что я стал намного меньше, был маленький вес, а благодаря тонкой подошве, можно чувствовать под собой все, что может треснуть, прежде чем это выдаст меня. Пока что все шло гладко. В памяти всплыл мой опыт: я был один в темноте Эвервуда, звери преследовали меня и наступали на пятки. По сравнению с ним это приключение было вполне мирным, и я подумал, не использует ли Барион какой-нибудь магический прием, чтобы держать тварей на расстоянии. С другой стороны, может быть, они просто учуяли его, монстра, которым он был, и знали достаточно хорошо, чтобы держаться подальше. А тут еще я со своей тупой задницей следовал за ним в темноте.

Я помрачнел.

За каких-то полсекунды до того, как это произошло, меня слегка дернуло за руку. Ветка зацепилась за ткань моей мантии и с треском упала на землю, вся ветвь зашелестела. Фонарь в руках Бариона качнулся, темнота вокруг меня рассеялась. Мне удалось прижаться к ближайшему дереву. Свет оставался неподвижным.

Что-то коснулось моей шеи. Что-то длинное и хитиновое, со множеством ног. Я зажал рот рукой и напомнил себе, что играю роль героя. Герои не совершают огромных ошибок из-за маленьких букашек в темноте.

Словно почувствовав невысказанное оскорбление, тварь укусила меня чуть выше ключицы. Я впился пальцами в бедро, сдерживая крик. Наконец, свет переместился дальше, и я схватил тварь с себя. Она была размером почти со змею, но с десятками ног, которые упирались мне в руку. Какая-то часть меня была благодарна, что было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Я отпрянул назад и бросил его в лес.

Везучий ублюдок. Будь это в любой другой день, я бы растоптал тебя на месте.

Кожа вокруг укуса была нежной и горячей на ощупь. Значит, ядовитая. Черт бы побрал этот лес. Все было кошмаром, даже жуки. Придется достать противоядие, как только вернусь в дом.

Когда я догнал Бариона, он стоял перед узким входом в большую пещеру. То, как естественное образование простиралось вверх, напоминало рукотворные ворота. Барион опустился на колени. Я услышал гудение, низкую скрипучую ноту, которая сместилась вниз, потом оставалась ровной, затем снова спустилась вниз.

Сначала показались рога. Полупрозрачная кожа мерцала на свету, а внутренности шевелились, как черви в мешке с наживкой. Холодная рука паники сжала мое сердце в груди. Оно улыбнулось ему, улыбка была широкой и тревожной.

— Где мое подношение? — сказало оно. От того, как оно растягивало согласные, у меня по коже поползли мурашки.

— Мои извинения, — ответил Барион. — Сегодня подношения не будет. Возникли не зависящие от меня обстоятельства.

Оно наклонилось и повернуло свою массивную голову, чтобы посмотреть на него. — Мы не можем… есть… твои оправдания.

— Верно. Однако скоро я предложу вам нечто гораздо более вкусное.

— Ты… смеешь… торговаться с нами?

В голосе Бариона звучал триумф. — Да. На следующей неделе у меня будет инфернал для тебя.

Меня охватил оцепеняющий холод.

Даже демон выглядел потрясенным. — Ты… позволишь нам съесть одного из мастеров?

— Именно так. Она слаба и полна сомнений. Мне она больше не нужна, и мы далеко от глаз анклава и совета. Никто не узнает. — Барион злобно улыбнулся. — Я не проболтаюсь, если ты этого не сделаешь.

— Одна… неделя.

Барион долил масла в фонарь и повернулся, чтобы отправиться в обратный путь. Все, что я мог сделать, это не выскочить и не задушить его. На протяжении всего пути назад мой разум пытался оправдать ожидание.

Что, если это сработает? Можно было бы покончить со всем этим прямо здесь. Убить этого ублюдка.

Я покачал головой. Этот гнев стал бы моим концом. Было миллион причин подождать. Я не знал, какие меры предосторожности он принял, он почти наверняка был вооружен, и если по какой-то причине я не справлюсь и не буду убит, то обреку Майю на участь худшую, чем смерть. В памяти всплыли те ужасные зубы. Такой участи я бы не пожелал даже своему злейшему врагу. Даже Тоте.

Нет.

Все должно быть безупречно.

Взвесив все возможности, я рассказал Майе о том, что обнаружил. Она была встревожена меньше, чем я ожидал, вместо этого она стала задумчивой и погруженной в себя. Река, возле которой мы сидели, мирно журчала, не подозревая о надвигающейся буре.

— Большинство демонов не отказались бы от возможности убить мне подобных, если бы представилась такая возможность. Все, что их сдерживает, — это наша власть над ними. Если бы такое убийство было обнаружено, демон был бы убит, а весь его легион жестоко наказан. Мой народ не принимает бунтарей доброжелательно, и они не из тех, кто реагирует на что-то кроме сурового наказания. — Майя произнесла последнее слово холодно. В этом была какая-то история. Была дюжина вопросов, которые я хотел задать, но многие из них были просто невежественными, а некоторые просто слишком грубыми. Были ли демоны и их виды на самом деле родственниками? И если да, то как инферналы отделились от демонов, получив над ними власть?

Я выбрал наименее оскорбительный вопрос, мучивший меня. — Значит, легионы — это что-то вроде племен?

— Похожи, только более жестокие и кровосмесительные. Они размножаются ради одной лишь силы. Самых слабых оставляют умирать или просто убивают в колыбели.

— Значит, их можно убить?

— Да. — Майя колебалась. — Но ты должен быть очень внимательным. Каждый оставшийся кусочек должен быть отделен и уничтожен. Иначе они будут медленно восстанавливать свою сущность с течением времени, пока не смогут проявиться вновь.

Я нахмурился. — Звучит сложно.

— Это одна из многих проблем, с которыми мой народ боролся после великого раскола. Наш основной способ запечатать их был потерян для нас. Так что нам двоим очень повезло. — Она улыбнулась мне, сверкнув острыми резцами.

Меня медленно осенило, но я не мог понять, в чем тут дело. — Пламя Данталиона.

— Да.

— Но в этом нет никакого смысла. Они устойчивы к нему.

— Только… пока их душа пребывает во плоти. Это одно из первых сопротивлений, которое они развивают. Как только душа освобождается от тела, данталион используется, чтобы привязать их к низшему царству. Но что более важно, как… ты узнал об этом, Кэрн? — На лице Майи была маска замешательства.

Я замер. Проклятье. Какая оплошность.

— Есть шанс, что мы спишем это на то, что я любопытный ублюдок? — Я одарил ее своей самой очаровательной улыбкой. Она не клюнула.

— Это твое оправдание в последнее время.

— Послушай, Майя…

Майя покачала головой. — Мы пока что союзники. Любой народ может объединиться при общей угрозе. Это элементарная политическая теория. Но с меня хватит лжи и полуправды о человеке, на которого мы теперь охотимся. — Она окинула меня холодным взглядом. — Если мы справимся, а это очень большое «если», в какой-то момент после этого состоится разговор.

Иногда я забывал, что Майя была молода. В моем случае было понятно, что я не веду себя как ребенок, ведь за плечами у меня был опыт взрослой жизни. Я мог только представить, как плохо все пойдет, если я не буду так себя вести. Но Майя не разделяла моего проклятия. Несмотря на то, что она утверждала обратное, она была еще ребенком. На что была похожа ее жизнь в анклаве? Через что она прошла, что заставило ее так быстро повзрослеть? Барион,

безусловно, но ее ум и уверенность в себе не казались такими вещами, которые развиваются за несколько лет.

— Я все еще жду твоего ответа, Ниленд.

Я вздохнул, потирая затылок. Ниленд — что это вообще значит? Слишком много вопросов. Если подумать, не было причин не говорить ей. После ухода Бариона мы пойдем разными путями. Она понятия не имела, кто я на самом деле. А если бы знала, вряд ли мы сидели бы здесь и разговаривали. Не было никаких препятствий для того, чтобы сказать ей правду.

— Это не великий заговор. Просто это трудно объяснить. И если быть откровенным, ты, наверное, мне не поверишь. — Это прозвучало гораздо более мрачно, чем предполагалось. Я изучал скалистую землю под ногами. В этом-то и была проблема, не так ли? У меня была вся эта информация о том, что должно произойти. И никаких доказательств.

— На данный момент… я мало во что могу не поверить, — сказала Майя. — Но именно поэтому нам лучше оставить этот разговор на потом. Если будет потом. Сейчас у нас есть более насущные дела. Могу я взглянуть на это?

— Посмотреть на что?

— На пламя.

Я вызвал огонь. Он заплясал в моей руке. Стал ли он больше? Он все еще был маленьким, но уже не был тем лучиком света, как раньше.

Майя втянула воздух. — Это прекрасно.

В этом мы с ней не сходимся во мнениях, наверное. Трудно было видеть в нем что-то иное, кроме оружия, способного вызвать огромный хаос и раздор. Когда я закрывал глаза, я все еще мог видеть горящие залы своего дома. Каждый раз, когда я пускал его в ход, больше всего на свете хотел, что бы он исчез.

Это вызвало воспоминание.

— Когда я продемонстрировал огонь Бариону, произошло кое-что еще. Что-то, чего я не понимал. Казалось, это его расстроило.

— Что?

— Не знаю, смогу ли я сделать это снова. Дай мне секунду. — Я поднес искру к маленькому, изолированному пучку травы. Она быстро сгорела. Как и раньше, я втянул искру в себя. Огонь угас.

Глаза Майи расширились. — Как?

— Так сказал и Барион, — размышлял я.

— Нет. Что ты чувствуешь? — спросила она.

Я посмотрел внутрь себя и обнаружил небольшую искру тепла в своем нутре. — Странно… Я чувствую тепло. Никогда раньше этого не замечал.

— И у тебя не было никакого обучения.

— Никакого.

— Поклянитесь в этом.

— Клянусь честью, — машинально ответил я, тут же пожалев о том, как это прозвучало. Простолюдины не клялись честью. Как и все остальные, они клялись богами или священными книгами. Но Майя, похоже, не понимала разницы.

Майя рассмеялась, недоверчиво покачав головой. — А отец так демонстративно верит, что судьбы не существует. Практики Данталиона не все равны. Подавляющее большинство никогда не покинет первую стадию, которая также является самой известной: Зажигание. Вызов самого пламени.

Это как-то разочаровывало. — Значит, большинство из них проявляют только искру такого размера?

— Нет. Это часть того, что делает твой случай таким запутанным. Большую часть времени их «искра», как вы ее называете, или ignis, примерно размером с кулак. Я, конечно, не принижаю твои усилия. — Майя в задумчивости опустила брови. — Это нормально для того, кто не прошел обучение. Таков порядок вещей. Ты изучаешь пламя вместе с любым магическим талантом, которым ты обладаешь, и если ты один из немногих счастливчиков, то переходишь на вторую ступень.

Я был очарован ее объяснением. О магии так редко говорили, и еще реже объяснения исходили от того, кто ею владел. — Как это называется? Вторая ступень.

Майя ухмыльнулась. — Себир. Или, на вашем языке, Контроль. Ты — редкая порода, Кэрн — аптекарь. Это способность отводить само пламя, ограничивать его действие. — Масштабы этого заявления медленно осенили меня.

— Другими словами, то, что ты только что продемонстрировал. Когда мы будем беседовать,

Кэрн, ты также расскажешь мне, как такое возможно, и где и как научился этому пламени.

Я кивнул, хотя впервые это была ложь. Я был не против рассказать ей некоторые части своей истории. Она заслуживала это. Но рассказывать о том, что она сама убила меня, к этому я не был готов. Это все еще терзало меня, каждый раз, когда я наслаждался ее обществом.

В течение следующих трех часов Майя обучала меня самым основам магии. Как использовать мою руку в качестве фокусной точки. После немалого количества уговоров с ее стороны, она заставила меня разжечь костер и сунуть в него руку. Я не обжегся. Было невероятно жарко и некомфортно, но огонь не охватил меня. Она предупредила, что этот аспект относится исключительно к демоническому огню, и посоветовала не совать руку в старое доброе оранжевое пламя.

Когда Майя ушла, я поджег поле. Дал огню разгореться на несколько футов в каждую сторону, а затем затянул его обратно. Тепло, которое я ощущал раньше, теперь было просто обжигающим, и по моему лицу потекли бисеринки пота. Я раскрыл ладонь и вызвал огонь. Он вырвался вверх в виде гневной струи пламени высотой в метр.

Пока я смотрел, как огонь рассеивается в клубы дыма, все кусочки встали на свои места. Я знал, как победить Бариона и демона. Это был безумный план. Не говоря уже о том, что с большой вероятностью меня убьют. Но это было лучшее, что я мог придумать.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2351603